

К 20-летию работы ректором СПбГУП

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ

ПРИЗНАТЕЛЕН СУДЬБЕ

**Фрагменты
будущих мемуаров**

Санкт-Петербург
2011

МАНТИЯ ДЛЯ ЛИХАЧЕВА*

В начале этого рассказа признаюсь, что практически все стоящие новшества в Гуманитарном университете профсоюзов придуманы не мной. Все 15 лет ректорской работы я считаю своей главной задачей услышать яркие идеи своих товарищей и организовать их внедрение в жизнь Университета. Вот так случилось и с докторской мантией.

С идеей учредить звание Почетного доктора Университета и ежегодно присуждать его наиболее выдающимся личностям ко мне пришли в один прекрасный день 1992 года Рубин Сергеевич Милонов и Владимир Евгеньевич Триодин. Владимир Евгеньевич в тот период работал заведующим кафедрой и был, пожалуй, самым инициативным и деятельным членом Ученого совета. Он все время приносил новые идеи, я соглашался и просил Владимира Евгеньевича их исполнять. Он вздыхал, но соглашался. Так мы и работали.

В тот раз Владимир Евгеньевич нашел себе соавтора — Рубина Сергеевича. Милонов — личность легендарная. В год моего рождения он уже был секретарем обкома комсомола. Человек очень яркий, талантливый, Рубин Сергеевич на разных этапах своей биографии руководил и городским Управлением культуры вообще, и отдельными театрами в частности. К нам он пришел на должность проректора из Ленинградского отделения Советского фонда культуры. А Советский фонд культуры возглавлял, как известно, Дмитрий Сергеевич Лихачев. Рубин Сергеевич находился в прекрасных отношениях с Дмитрием Сергеевичем. Именно он нас потом и познакомил.

Идея Триодина и Милонова заключалась в том, чтобы учредить звание почетного доктора, которое должно было ежегодно присуждаться одной отечественной и одной зарубежной персоне. Нужно было, помимо присвоения звания, разработать и вручать его материальные атрибуты: диплом, мантию, шапочку. Предлагалось также заносить имена почетных докторов на мраморную доску, которую было решено разместить в фойе зала Ученого совета. Сразу же была предложена и кандидатура первого доктора — Дмитрия Сергеевича. Мне эта идея очень понравилась.

* Впервые опубликовано в журнале «Очень^{UM}». Спецвып. : К 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева. 2006 [Нояб.]—2007. С. 8—15.

Теперь свои мантии и дипломы вручают не только абсолютно все вузы, но даже кулинарные техникумы, профтехучилища и исправительные учреждения. Кроме того, по стране ездят западные коммивояжеры, которые предлагают вузам деньги за вручение почетных дипломов бизнесменам, портным, стоматологам и другим хорошим людям (между прочим, весьма прибыльный бизнес). Но в 1992 году данная идея для России была совершенно новой. Во всяком случае, лично я ни о чем подобном в российских вузах никогда не слышал.

Понравилась мне она по следующей причине: с самого начала реформирования СПбГУП у нас вызывало серьезнейшую озабоченность стремительное разрушение советской системы воспитания. Как известно, педагогический процесс (если он есть, конечно) представляет собой систему, важнейшим элементом которой является цель воспитания. Формирование же цели предполагает наличие каких-то идеалов. Люди, разрушавшие Советский Союз, начали свою работу с уничтожения идеалов советского времени. Были разрушены и общественные структуры, в задачу которых входило поддержание этих идеалов: партия, комсомол, студенческие организации. Образовалась очень опасная пустота, в которую стремительно входили чуждые нашим представлениям о жизни ценности.

В связи с этим мне и показалось очень важным представить университетскому сообществу персонифицированные идеалы, символы — людей, которые были бы официальным образом провозглашены Университетом в качестве своих идеалов. И Дмитрий Сергеевич замечательно подходил для подобной роли. К тому времени благодаря своим публичным выступлениям и общественной деятельности он уже стал почитаемой персоной для миллионов россиян. Дмитрий Сергеевич, несмотря на все кипение политических страстей того времени, оказался как бы вне политики, точнее — над политикой. В пору всеобщего смятения умов он стал олицетворением идеи служения вечным, абсолютным ценностям. Его научный и нравственный авторитет был безупречен.

Самому Лихачеву тоже показалась очень симпатичной триодинско—милоновская идея. Дмитрий Сергеевич захотел поддержать динамично развивающийся, реформируемый Университет.

К слову сказать, положение наше в то время было непростым. Высшая профсоюзная школа культуры, на базе которой был создан СПбГУП, до 1991 года являлась закрытым, малоизвестным в стране

учебным заведением. Мы принимали на первый курс всего 150 человек, из них примерно 25–30 % приходилось на страны социалистического содружества, для которых мы также готовили кадры. После ельцинского переворота в ряде консульств западных стран появились «ориентировки», требовавшие соблюдения осторожности в контактах с нашим вузом как с «придатком коммунистической системы» (как будто бы в советское время у нас существовали какие-то вузы, не являвшиеся «придатками»).

Лихачев посмотрел на происходящее у нас другими глазами. Дмитрий Сергеевич обстоятельно познакомился с вузом и нашими идеями по его дальнейшему реформированию. Резюме было высказано им публично. Прочитую дословно: «Есть вузы, которые сильны своим прошлым. Ваш вуз силен своим будущим» (много лет спустя жулики с телеканала «Россия» смонтировали нашу хронику так, что эти слова говорились как бы совсем о другом университете).

После этого работа закипела. Как принимать в почетные доктора, мы не знали. А Дмитрий Сергеевич имел уже 19 мантий от различных университетов, в том числе самых старых, знаменитых. Конечно, мы обратились к нему за консультациями. Помощник Рубина Сергеевича Тамара Сергеевна взялась за пошив мантий и шапочек. Несколько раз целой делегацией мои коллеги ездили к Лихачеву смотреть его академический «гардероб». В конце концов по его совету разработали очень скромный, строгий фасон. Я бы назвал нашу мантию академически аскетичной. В отличие от многих других, в ней нет цветных элементов, золота и прочих намеков на какую-либо роскошь. Вслед за мантией и шапочкой был создан дизайн диплома, принята предельно лаконичная форма занесения имен почетных докторов на мраморную доску.

Церемонию посвящения в доктора тоже разрабатывали с Дмитрием Сергеевичем. Правда, учитывая особые творческие возможности нашего вуза, мы пошли намного дальше западных традиций. В итоге наша церемония оказалась составлена из нескольких частей. Открываться она стала театрализованным прологом, когда будущий доктор появляется на сцене в сопровождении ректора и ведущего церемонии (позднее к нам стали присоединяться и другие почетные доктора). Ректор произносит слово о почетном докторе. Скажу, что в каждом случае это слово является результатом весьма основательной работы. Фактически мы проводим научные исследования, анализ биографии почетного доктора. В тексте, который занимает

примерно 6–7 машинописных страниц, обстоятельно излагается научная, педагогическая, творческая и общественная биография личности. По сути дела, собравшимся объясняется, почему именно этот человек избран почетным доктором. После этого председатель Ученого совета (ректор) оглашает текст решения Ученого совета. Появляется группа студентов, которая торжественно выносит на сцену мантию, шапочку, диплом и цветы. (В последние годы к этим атрибутам добавился номерной золотой знак почетного доктора с небольшими бриллиантами.) После того как ректор облачает доктора в мантию, следует фотографирование с дипломом. Звучит Гаудеамус. Зал стоя приветствует гостя. Затем ректор и почетный доктор садятся в кресла на специальном возвышении и начинается череда поздравлений.

Все поздравления готовятся заранее, и их перечень тщательно редактируется. В поздравлениях участвуют самые знаменитые люди страны, достигшие славы общественно значимыми делами и, как правило, близко знакомые с почетным доктором. Эти выступления чередуются с творческими поздравлениями от кафедр Университета и выступлениями выдающихся мастеров искусств. В конце церемонии почетный доктор выступает с ответным словом. Далее ректор объявляет о закрытии церемонии и приглашает Ученый совет и группу гостей на открытие мраморной доски с именем почетного доктора. Гости провожают виновника торжества аплодисментами, стоя.

19 мая 1993 года состоялось посвящение в почетные доктора Дмитрия Сергеевича. Церемония прошла в обстановке невероятного эмоционального подъема. Все мы чувствовали, что происходит что-то особенное. Не будет преувеличением сказать, что в этот день для нас всех что-то изменилось. Сознание того, что перечень наших педагогов и ученых открывается именем Лихачева, уже никогда не позволяло нам далее жить как раньше.

Видимо, церемония действительно оказалась необычной. Она была показана в «Новостях» «Первого канала» Центрального телевидения и имела большой общественный резонанс в стране. В дальнейшем эти церемонии несколько лет показывались по ЦТ. Другие вузы тоже начали принимать различных людей в почетные доктора. Но Дмитрий Сергеевич навсегда остался почетным доктором только одного вуза России — СПбГУП. Кстати, международная традиция не позволяет одному человеку принимать мантии нескольких

университетов из одного города. Правда, в России не все об этом правиле знают.

Настоящему испытанию наша церемония подверглась при вручении второй мантии. Ее лауреатом стал сэр Джон Кингман — руководитель Бристольского университета. В Англии должность ректора носит название вице-канцлер, а канцлером считается королева. Сэр Джон Кингман к 1993 году являлся обладателем около 40 мантий университетов по обе стороны Атлантики. И вот, когда завершилась наша церемония и сэр Кингман сообщил мне, что она была самой впечатляющей в его академической жизни (а церемония проводилась на русском языке, который нашему английскому другу неизвестно), я испытал нечто похожее на чувство победы.

Позднее я видел многие другие церемонии. В 2000 году Жорес Иванович Алферов пригласил меня на церемонию вручения ему Нобелевской премии. Не хочу показаться нескромным, но выскажу искреннее убеждение в том, что даже по сравнению с нобелевской наша церемония является достаточно торжественной и впечатляющей.

Для меня это важно по двум причинам. Во-первых, остается заметный след происшедшего в памяти студенчества, а это значит, что Университет эффективно транслирует, передает молодежи духовные ценности старших поколений. Как известно, ценности вообще плохо усваиваются логическим путем. Для их восприятия человеку нужны эмоции, личные переживания.

Вторая причина: в России слишком часто воздаются почести замечательным людям после их ухода из жизни, я же считаю, что благодарность должна быть прижизненной. Сегодня уже нет с нами Дмитрия Лихачева, Михаила Аникушина, Наталии Дудинской, Георгия Свиридова, и я рад, что мы успели сказать спасибо им лично и они имели возможность посмотреть в глаза идущим им на смену поколениям россиян в тот момент, когда я облачал их в мантии почетных докторов.

Сегодня на мраморных досках Университета запечатлены имена 20 почетных докторов*. Они принадлежат не только вечности вообще, но и истории нашего Университета.

Как уже говорилось, вручения мантий у нас приурочены к 24 мая — Дню славянской письменности, созданной святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, поскольку именно 24 мая 1992 года

---

* В настоящее время звания «Почетный доктор СПбГУП» удостоены 28 человек.

наш Университет был освящен Русской православной церковью. Начиная с этого дня ведет свой отсчет новейшая история нашего учебного заведения, история его развития в качестве Университета. Позднее к 24 мая мы стали приурочивать открытие выставок научных трудов наших педагогов, научные конференции, подведение итогов конкурсов научных работ студентов, выпуск в свет книг и другие хорошие дела.

Самые серьезные, принципиальные шаги мы сверяли с Лихачевым. Наше сотрудничество продлилось семь лет, до самого ухода великого петербуржца из жизни. Сегодня, оглядываясь в прошлое, мы значительно лучше понимаем, что значил наш Университет для Лихачева и что значил Дмитрий Сергеевич для нас.

Если знаменитый Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) был местом, где реализовал себя Лихачев-литературовед, то СПбГУП стал научным домом для Лихачева-культуролога и местом его регулярных встреч с общественностью.

В начале 1990-х годов академик практически перестал куда-либо выезжать для публичных выступлений, подписывать какие-либо обращения общественно-политического характера. Он был весьма разочарован переменами в стране, принесшими неисчислимыя беды простым людям. Смутные времена вывели на авансцену общественной жизни пеструю толпу авантюристов, стремившихся втереться в доверие к патриарху науки, использовать его доверие в личных, своекорыстных целях. Лихачев все это видел и не мог не проявлять осторожность.

Университет же наш он считал одним из редких примеров перемен к лучшему, символом новой, возрождающейся России. Поэтому и стремился сюда.

К 100-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева СПбГУП подготовил две книги: «Дмитрий Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре» и «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов». Вторая из названных как раз и дает неплохое представление о содержании нашей совместной деятельности с Лихачевым: Международные научные чтения по важнейшим гуманитарным проблемам современности, лекция о значении Петербурга в истории русской культуры, материалы об интеллигенции, размышления о будущем России, выступление на Дне библиотекаря, Декларация прав культуры и другие — квинтэссенция научных и нравственных итогов многолетних исканий Дмитрия Сергеевича. Академик

предстает на страницах этого издания как университетский ученый, обсуждающий самые важные свои идеи с профессурой и студенчеством. В диалоге с молодежью, находясь на университетской трибуне, Лихачев не только подводит итоги жизни, но и формулирует свое послание в будущее.

В 90-е годы нам часто задавали два вопроса: почему академик Лихачев избрал для сотрудничества именно наш Университет и почему вслед за ним в СПбГУП пришли Михаил Аникушин, Даниил Гранин, Андрей Петров, Эльдар Рязанов, Андрей Вознесенский и другие наши великие собеседники. Ответ на них я нашел в лихачевских «Заметках к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века». Дмитрий Сергеевич пишет, что «в городах существуют районы наибольшей творческой активности, куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности, где можно быть в своей среде». По его мнению, примечательно, что тяга к творческому новаторству способствует появлению групп единомышленников. Новаторство требует коллективности и признания хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Эти строки были написаны словно в предвидении его университетского периода жизни.

Каждая встреча с Лихачевым была Событием. Каждый раз Дмитрий Сергеевич приезжал на наши встречи заранее и терпеливо, безмолвно сидел, ждал начала, опираясь на трость. Научная дискуссия могла длиться 2–3 часа, и он нередко сидел все это время молча, слушал. Затем брал слово и тихо говорил 2–3 минуты. Но сказанное им потрясало.

Не забуду, как во дворце Белосельских-Белозерских он вот так же тихо заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное: что бытие определяет сознание. А Лихачев вдруг сообщил нам, что будущее не определено никакими объективными законами общественного развития, что оно будет таким, каким мы его сделаем сами. Зал был битком наполнен профессурой, и все слушали затаив дыхание. До сих пор помню, как у меня от его слов вдруг мороз прошел по коже. Они были абсолютно созвучны моей внутренней позиции человека, в 37 лет взявшегося реформировать вуз, причем в совершенно отчаянных условиях. Но Лихачев так четко, просто и ясно выразил мою философию...

В другой раз я приехал в тот же дворец сразу вслед за Лихачевым. Дмитрий Сергеевич, начав со мною разговор, мягко и тепло

отозвался о погоде: как приятно светит солнце, как отражается в Фонтанке, сколь лиричны облака. Тут же появился Даниил Гранин и огорченно заметил, что погода сегодня дрянная. И тучи низкие, мрачные, и солнце какое-то безрадостное. И я тут же понял, что не имею своего мнения о предмете обсуждения. Мчался на машине, поглощенный мыслями о делах, и ничего вокруг не заметил. Потом, перечитывая и Лихачева, и Гранина, я вынужден был кое-что поправить в своей суетной жизни.

Летом 1995 года профессор Триодин сообщил мне, что Д. С. Лихачев хотел бы встретиться и обсудить ряд волнующих его соображений. Я созвонился с Дмитрием Сергеевичем и через несколько дней, в выходные, отправился к нему на дачу в Комарово. Там академик познакомил меня со своей идеей разработки проекта «Декларации прав культуры». По мысли Лихачева, современный этап развития цивилизации породил необходимость официального принятия международным сообществом, правительствами государств ряда принципов и положений, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния человечества.

После нашей беседы Дмитрий Сергеевич подготовил, выражаясь его словами, «проект проекта» Декларации. Первыми с ним познакомились педагоги и студенты СПбГУП 1 сентября 1995 года, на традиционном Дне знаний. Далее мы привлекли к доработке проекта ряд крупнейших ученых нашего Университета и коллег из города. В результате общими усилиями под научным руководством Д. С. Лихачева был подготовлен итоговый документ, научное и нравственное значение которого трудно переоценить. По существу, в нем сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. Лично я считаю Декларацию научным и нравственным завещанием академика Лихачева.

...Постепенно в общение с нашим первым почетным доктором оказался вовлечен широкий круг университетской профессуры и студенчества. Вливались в этот круг и наши новые почетные доктора, крупные фигуры петербургской интеллигенции.

9 апреля 1999 года по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева и Даниила Александровича Гранина мною был зарегистрирован Конгресс петербургской интеллигенции. Вместе с нами его учредителями выступили Жорес Алферов, Андрей Петров, Михаил Пиотровский и Кирилл Лавров. Это стало неким юридическим оформлением уже вполне сложившейся к тому моменту традиции собираться

вместе для обсуждения волнующих нас проблем. Встречи чаще всего проходили на Невском, во дворце Белосельских-Белозерских.

Вскоре Дмитрий Сергеевич ушел из жизни. Но мы в Университете все больше и больше ощущаем последствия нашего с ним общения. Слова Д. С. Лихачева: «Я чувствую себя сегодня в Университете XXI века», которыми он начал у нас свою актовую лекцию в 1993 году, стали для нас руководством к действию. В результате Гуманитарный университет профсоюзов с легкой руки своего первого почетного доктора осознал и сотворил себя «университетом будущего», лидирующим в российском университетском сообществе, предвосхищающим, иницилирующим и реализующим позитивные тенденции в современном образовательном процессе.

Но все началось с мантии для Лихачева.

Ноябрь 2006

МИХАИЛ АНИКУШИН — ГЕНИЙ, РОЖДЕННЫЙ ЭПОХОЙ*

От редакции

С Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов скульптора Михаила Аникушина связывала светлая дружба. Не случайно его бюст был установлен на Аллее почетных докторов СПбГУП одним из первых. Притягательная сила и величие Аникушина необычайны. Воспоминания о нем порождают размышления о времени, о стране, о судьбе и историческом месте российской интеллигенции.

Живой классик

Если бы Михаил Константинович Аникушин не создал в своей жизни ничего, кроме памятника Пушкину на площади Искусств, то одним этим творением он, безусловно, уже обеспечил бы бессмертие своему имени. Трудно, почти невозможно встать вровень с гением российской поэзии, но Аникушину как художнику удалось оказаться на уровне прототипа своего произведения. А ведь у скульптора была долгая творческая жизнь, ознаменованная многими другими выдающимися работами. Только памятников Пушкину — еще несколько, самые известные — в Московском университете и на станции метро «Черная речка» в Петербурге. Кроме того, Михаилом Константиновичем создана целая галерея скульптурных портретов выдающихся современников: балерина Уланова, композитор Свиридов, академик Иоффе, авиаконструктор Яковлев, народный артист СССР Черкасов. Есть, наконец, и памятник «Героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны».

У него счастливая судьба — Аникушин стал признанным классиком еще при жизни. Кажется, нет почетного звания, которого он не был бы удостоен: лауреат Ленинской премии, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, действительный член Академии художеств СССР. Своими наградами и званиями он дорожил, считал их одобрением страны, которую любил и в которую верил.

---

* Впервые опубликовано в журнале «Очень^{UM}». 2005. Июнь. С. 122–128.